

17.07.2015

[Анна Катханова](#) // [Капитель](#), 17.07.2015, № 1(26)

Барселона. Интервью с Энриком Массип-Бошем

Урбанистика

Интервью

информация:

где:
Испания

Энрик Массип-Бош (Enric Massip-Bosch) родился в Барселоне. Основал архитектурное бюро Enric Massip Dosch Architects в 1990 году. Профессор архитектурного факультета технологического университета BarcelonaTECH; приглашённый профессор Politecnico di Milano, Италия. Автор теоретических работ, победитель многих конкурсов и обладатель European Prize for Urban Design 2009; Международного LEAF Award 2011 (за проект Diagonal ZeroZero). Занимался исследованиями и работал в Японии (Shinohara Atelier) с 1987 по 1989 год. В настоящее время член Консультационного совета Барселоны по вопросам градостроительства. С 2014 года руководит магистерской программой института урбанистики «Среда» в Санкт-Петербурге.

– Вы недавно вернулись из Санкт-Петербурга, города намного младше Барселоны. Начнём по старшинству, с Барселоны. В чём для вас заключена главная особенность города, в частности структуры Барселоны, предложенной Ильдефонсо Сердой?

– План Серды по расширению Барселоны середины XIX века, по которому построен район Эшампле (L'Eixample), – результат правильного выбора города. Исторически сложилось так, что после поражения Каталонии в войне с Испанией (это произошло примерно во время основания Петербурга), Барселоне было запрещено строить за городскими стенами. Этот запрет действовал более 200 лет. Развитие промышленности требовало расширения города, и муниципалитет стал обдумывать, как это сделать, вопреки оппозиции испанского правительства. События развивались стихийно, народ снёс городские стены, несмотря на введение войск, и ликовал на руинах. Как по-вашему, в чём смысл плана Серды?

– Мне приходит в голову несколько идей: идея «соседства» из «города-сада» Говарда; решётка Манхэттена; схожесть Эшампле с Петроградской стороной, где дома в стиле модерн также стоят сплошным фасадом...

– Самое главное заключается в совпадении плана с возможностью его реализации. Из-за санкций вокруг города сохранялась незастроенная территория для ведения военных действий. Внутри городских стен было невероятно плотно, но вокруг были поля. Европейские города, сопоставимые с Барселоной по размеру, к этому времени уже разрастались – где-то это происходило по плану, где-то хаотично, но ситуация Барселоны уникальна по масштабу реализации градостроительного замысла. Когда мы начали работать над проектом здания для компании «Телефоника» (Togge Telefonica), мы постарались выразить знаковое размещение участка на месте соединения главной улицы проекта Серды – Диагонали – с морским побережьем. В том числе это нашло отражение в названии проекта «Диагональ Ноль Ноль» (Diagonal ZeroZero)¹.

– На протяжении всей истории Барселона следовала традиции в архитектуре, тогда как в России последствия известного постановления 1955 года об отмене «излишеств» ощущаются до сих пор.

– В целом это так. Мы сохранили традиции, хотя, конечно, и у нас всё шло не так гладко и некоторые разрывы случались. Я немного знаком с вашей историей, в частности, с системой микрорайонной застройки, которая появилась в 50-60-е годы и стала основной темой советского города.

– Вы видите возможности улучшения качества «микрорайона»?

– Да, и очень существенные. В Петербурге мы со студентами детально работали над возможностями этой модели. Она обладает огромным потенциалом улучшения качества жизни. Особенно микрорайоны 60-70-х годов. Те, что построены позже, возможно, слишком большие и высокие, но также обладают потенциалом. Микрорайон – это замечательно, и значительно лучше того, что строят в Петербурге сейчас. В модели микрорайона множество возможностей для внесения изменений. Некоторые элементы могут быть перемещены, пространства и здания можно улучшить, обновить. Потенциал огромен. Эта модель способна к восстановлению, это открытая система, и она способна вобрать современные методы создания качественной среды.

В целом увиденное в Петербурге новое жилое строительство можно разделить на две группы. Первая относится к рынку дорогого жилья, использует всё, что можно взять от города, ничего не предлагая взамен, существует изолированно от городского окружения. Вторая – это застройка нечеловеческого масштаба, отличающаяся от микрорайона плотностью и неспособностью к последующим изменениям, такая как на Парнасе, например. Это абсолютно закрытая система, не потому, что её территория недоступна для прохода, а в силу невозможности последующих трансформаций. Плотность и элементы застройки, например открытые пространства общего пользования, такие огромные, что трудно сделать их частью городского контекста и как-то улучшить их качество. Подобные проекты жилищного строительства, вероятно, создадут очень большие проблемы для города в будущем. Такие районы с трудом могут быть отнесены к городской среде.

К моему большому сожалению, я не видел в Петербурге ни одного нового проекта, где бы ощущались попытки сделать что-то полезное для жителей или включить проект в городской контекст. Эта ситуация досадна и неприятна для меня. У градостроительства и архитектуры Петербурга великое прошлое, традиции, которым следовали на протяжении длительного времени создатели прекрасного города, включая и советский период. Сейчас, как я считаю, что-то пошло по неверному пути. То, что мне удалось увидеть, – очень банальная архитектура. Ещё хуже дела обстоят с урбанизмом – так как главное заключается не в качестве отдельных зданий, а в способе их взаимодействия в пространстве. Я верю в великие традиции русской архитектуры и общее желание их возродить. Этому может помочь международное сотрудничество, широкое обсуждение. Это побудило меня взять на себя руководство магистерской программой в Петербурге, поскольку мы верим в возможность восстановления качества жизни в этом городе, в возвращение высокого статуса градостроительства и архитектуры, как это произошло, например, в Барселоне.

– Вы видели примеры использования архитектурных стилей прошлого в архитектуре современных зданий в историческом центре Петербурга? Как вы к этому относитесь?

– Да, я видел и не считаю, что это тот путь, по которому можно создать современный город. Это похоже на подделку. Это скорее театральный приём.

– Каков ваш образ мыслей, когда вы начинаете проектировать современный город?

– Главная вещь в осмыслении городского ландшафта – это создание связей и соотношений в самом широком смысле: между пространствами и зданиями, застроенным и открытым, плотным и разреженным, людьми и маршрутами движения, то, что создаёт особенность городского ландшафта. «Объекты» как таковые, будь то пространство или здания, не так важны. Заниматься проектированием «объектов» неправильно. Поэтому вопрос стиля, даже если он плох, не так важен. Главное – это связи всех видов, формирующие город. Необходимо сохранить античное значение города – polis, что означает место политических дискуссий в самом широком понимании, где каждый человек может развить себя как личность, как член городского сообщества. Коммуникации, соотношение частей – основное. Работая только с «объектом» (неважно – зданием, площадью или улицей), мы встаём на ложный путь. Мы должны думать о пространстве коммуникации и взаимодействия. В магистерской программе мы стараемся направить процесс проектирования по этому пути. Сейчас в фокусе городской градостроительной политики находится «объект» – это должно быть критически пересмотрено.

– Была у вас возможность обсудить это с архитекторами Петербурга?

– Пока со студентами. Следующий курсовой проект посвящён промышленным территориям вдоль Обводного канала и вокруг Московского проспекта. Работа над проектом рассчитана на четыре недели. Обычно в конце второй недели проходит общественная презентация. Мы будем рады пригласить городских экспертов, архитекторов. И надеемся использовать эту возможность для обмена идеями, а также отметить завершение первого семестра магистерской программы в Петербурге. Приходите.

– Спасибо за приглашение. Какие вы видите возможности сохранить идентичность Петербурга в ситуации, когда архитекторы в основном проектируют «объекты» и не участвуют в процессах

формирования планов градостроительного развития?

– Петербург состоит из множества разных районов. Вызов для города – это сохранить присущее ему разнообразие и усилить ощущение единого целого, так как Петербург – это и исторический центр, и Купчино. Необходимо сделать так, чтобы люди вновь полюбили то место, где они живут. Условия жизни в хрущёвках очень скромные, разнообразие жилья очень ограничено. Но есть реальная возможность изменить их и улучшить. Необходимо создать условия для выбора людьми условий жизни. Сейчас это одинаковые квартиры, одинаковые дворы. Необходимо дать им больше разнообразия, в том числе мест с качествами центра, пусть местного значения, больше условий для разных моделей поведения и проведения времени в этом месте, создать рабочие места, чтобы люди могли здесь же работать, если захотят. Есть возможность создать чистую промышленность, предложить людям пространства, которые они признают своими. Микрорайон – это базовая модель, которая повторяется бесчисленное количество раз, и она способна к большим изменениям. Надо в каждом создать особенную среду. Для иностранцев зачастую Петербург – это Эрмитаж и Мариинский театр, так же как Барселона для туристов – это Готический квартал и Эшампле. Тогда как в Барселоне тоже есть кварталы, построенные в XX веке, требующие изменений. Возможно, у нас ситуация не столь критична, но, так же как и в Петербурге, важно заполнить пробелы.

– В чём сейчас заключается привлекательность Барселоны?

– Я думаю, что сейчас – в общественных городских пространствах. Это то, благодаря чему Барселона прославилась за последние 20-25 лет. Конечно, во всех городах они есть, но в Барселоне их создание является важным инструментом улучшения качества жизни в городе, устранения несоответствий, возвращения чувства идентичности и принадлежности городу. Люди наслаждаются общественными пространствами, получают от них удовольствие и испытывают гордость от того, что они его жители.

– Я видела, как люди проводят время и общаются в Сьютадели (самом старом парке на месте бывшей крепости): они танцуют, играют на музыкальных инструментах, катаются на лодках... Может быть, дело в климате?

– Конечно, климат сильно помогает. Но и в таких городах, как Копенгаген, где климат не самый лёгкий, люди научились наслаждаться общественными пространствами, так как город за последние десять лет сильно улучшил их качество. Петербург также способен сделать это. Здесь столько людей на улицах, особенно в центре. У них много энергии, и они способны к действиям, иногда спонтанно. Потенциал использования общественных пространств огромен. Главное – желание и воля сделать это возможным. Планирование – основа управления развитием города. Город – это место, где сталкиваются различные интересы, возникают конфликты: между общественным и частным, экономические, социальные и многие другие. Путь разрешения подобных конфликтов – соучастием или как минимум общественным обсуждением всех вопросов планирования. Это должен быть открытый демократический процесс. Ключевая задача – это общественное обсуждение, которая включает не только специалистов по планированию и архитекторов, но широкое представительство специалистов и экспертов: социологов, экологов, инженеров по транспорту, которые вместе представляют горожанам планы по развитию и продолжают их обсуждение с участием жителей.

– У нас проводят обсуждение проектных документов с общественностью, но зачастую оно проходит формально.

– Для меня это вопрос демократии. Генеральный план города не должен быть тайной. Планирование должно быть результатом общественных дебатов. Планирование – это важнейший инструмент разрешения противоречий. Если люди согласны с городскими планами, они голосуют за, если нет – то против. Самое страшное – потерять целое. Необходимо сохранить связи и доверие между участниками обсуждения для усиления влияния общественности.

– Кто должен возглавить процесс общественных обсуждений, для того чтобы они привели к конструктивным результатам и проходили в позитивной атмосфере?

– В городе каждый человек имеет своё мнение обо всём: куда тратить деньги, что надо делать и что нет, поэтому должны быть профессиональные обсуждения. В Барселоне у людей очень развито чувство причастности. Но проблем тоже хватает. Пример – сфера туризма, где Барселона очень успешна. Более 8 млн человек в год посещает город, из них 80% из-за границы. С одной стороны, это хорошо, но с другой – огромное количество гостей в центре или в парке Гуэля создаёт стресс для жителей этих районов. Так, администрации пришлось ввести плату за посещение мемориальной зоны парка Гуэля, хотя это и не очень хорошо, но это регулирует количество посетителей, и кроме того, расходы города на содержание парка и ремонт огромны. Париж и Рим также сталкиваются с подобными проблемами, но они конкурируют за туристов, так как это важный источник средств, и это важно для имиджа города. Сколько туристов ежегодно

бывает в Петербурге?

– Около 6 млн, половина из них иностранцы. Что вы думаете о развитии нашего города в будущем?

– Я уверен, что Петербург в очень близком будущем ожидает сильный рост. У города огромный потенциал.

– В Барселоне существует программа развития общественных пространств на будущее? Она охватывает весь город или каждый район имеет свою программу?

– Существует программа всего города, и при этом каждый район отвечает за свои парки.

– Схема развития зелёных пространств является частью генерального плана?

– Да, это часть Генерального плана Барселоны 1978 года, то есть он достаточно старый. В это трудно поверить, но план позволил сделать многочисленные изменения: провести Олимпиаду 1992 года и более поздние проекты. Сейчас идёт разработка нового генерального плана. В рамках этой работы разрабатывается план развития зелёной инфраструктуры на Метрополитенской территории Барселоны с населением около 5 млн человек, то есть почти таким же, как в Петербурге. Надо ещё многое сделать для понимания озеленённых пространств как системы.

– Участок проекта «Диагональ 00» расположен недалеко от 22@ district – территории бывшей промзоны. В чём заключаются сложности реализации проектов редевелопмента промышленных зон: во взаимодействии между государственным и частным секторами, в сохранении исторических зданий или в чём-то другом?

– Контроль за землепользованием, так же как и взаимодействие государственного и частного сектора, очень важен. Здесь разрешено промышленное использование, конечно, при изменении технологий на современные, также присутствует жильё, образование. Так что это удачная смесь функций. Архитектура зданий и пространств не всегда хороша, но в целом стратегия успешна. Партнёрство государственных структур и частного бизнеса абсолютно необходимо.

– Можете объяснить ваше отношение к устойчивому развитию города – возможно ли строительство «зелёных» зданий в «неустойчивом» городе?

– Возможно, но вряд ли имеет смысл. Если, выходя из «зелёного» дома, где есть энергосбережение, повторное использование воды и т. д., вы садитесь в автомобиль и до берега реки едете по пробкам, то это пример, противоположный устойчивому развитию. Только подчинение общей цели достижения высокого качества жизни всех участников – от управления градостроительной политикой до всех служб города, включая транспорт, строительство жилья, благоустройство, – может обеспечить устойчивое развитие.

Устойчивость – это также вопрос соотношения государственных и частных целей развития города. В целом процедуры, принятые в России, и в частности в Петербурге, в большей степени ориентированы на американскую модель, чем на принятую в Европе. Конечно, в США очень развиты технологии «умного города», принципы сохранения энергии, противодействия изменению климата и так далее, но в целом они ориентированы на получение прибыли в большей степени, чем на общественное благо.

– Хотелось бы вам построить что-нибудь в Петербурге?

– Конечно, да, основываясь на моём представлении о том, как город создаётся одним поколением за другим и каждое оставляет свой слой. Мы также должны взять ответственность за наше время и добавить что-то новое, основываясь на правильном понимании прошлого, и «оставить двери открытыми», сохранив возможность для последующих изменений. История должна быть использована, но не буквально. Можно что-то расчистить, если это мешает достижению цели – улучшить качество жизни.

Я был на одном собрании, где обсуждался Петербург как исторический город и выполнение требований ЮНЕСКО. Но Петербург значительно больше, чем исторический город. Это не Венеция. Я имею в виду не только огромные перспективы развития города. Будущее Петербурга в качестве крупнейшего мегаполиса не подвергается сомнению, поэтому центр и другие части города должны быть сбалансированы. Невозможно заморозить одну часть и при этом полноценно развивать остальные. Великое историческое наследие Петербурга требует создавать современный город, но не банальными приёмами и не на провинциальном уровне. Петербург должен стать городом хорошего качества жизни в наши дни, опираясь на великое прошлое и будучи уверенным в своём будущем.

– Коротко о магистерской программе в институте урбанистики «Среда»: как вы учите?

– Суть проста – обучение путём проектирования с необходимыми лекциями по теории, которые помогают понять и расширить представления о том, что мы делаем в проекте. Мы стремимся следовать очень простой фундаментальной идее приоритета блага людей путём создания связей между пространствами и зданиями, пространствами и людьми.

– Каков статус профессии архитектор в сообществе Барселоны?

– У нас архитекторы занимают достаточно привилегированное положение, и даже более того, мы очень близки к власти. Это началось со времён Серды и продолжается поныне. Тогда люди были очень заинтересованы планами развития города, и эта тема широко обсуждалась, стала главной городской новостью. Архитекторы и сейчас удерживают свои позиции, так как при любой конфигурации политической власти в Барселоне и левые, и центристы, и лидеры профсоюзов полагаются на архитекторов – и для налаживания взаимодействия с бизнесом, и для достижения общественного блага. Ответить на вызовы, стоящие перед городским сообществом, можно только при реальном взаимодействии.

¹ Diagonal ZeroZero – название и одновременно адрес проекта здания представительства Telefonica Group в Барселоне. Высота 110 м. Заказчик – группа компаний «Зона Франко». Удостоен LEAF Awards 2011.

беседовала: [Анна Катханова](#)

